

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. Э. БАБЕЛЯ НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Sandor Vegvari

Общеизвестно, что любое литературное сочинение, попадая в среду другой литературы, культуры, встречается с новой исторической действительностью и начинает с нею взаимодействовать. В большинстве случаев для него начинается вторая жизнь, в которой открываются новые просторы. Перевод на другой язык обновляет авторскую мысль – словно переводит её в другой регистр и придаёт ей новые оттенки. Национальное своеобразие другого народа, иные исторические условия и этнографические особенности как бы усложняют и тотчас же уточняют процесс восприятия данного литературного произведения. Поскольку художественные особенности, ценности любого литературного творения проявляются через язык, важно как можно точнее передать при переводе не только мысли автора, но и специфику его художественного языка. Однако на этом пути возникают определённые трудности, с которыми нужно справиться переводчику.

Среди трудностей, стоящих перед переводчиками И. Бабеля, нужно отметить те, которые, помимо общих, возникли в литературе двадцатых годов XX века: как известно, в этот период многие русские-советские писатели весьма сложно выражают свои мысли в языковом-стилистическом отношении, начиная с символической прозы А. Белого и В. Брюсова и кончая классической прозой К. Федина и Л. Леонова. Среди многочисленных стилистических обработок языка простого народа особую группу представляют произведения прозаиков, использующих специфический язык казачества, но и здесь наблюдаются значительные различия: литературный язык *Железного потока* А. Серафимовича буквально утопает в море диалектных форм, М. Шолохов удачно сочетает классический литературный язык с языком казачества, а у И. Бабеля получается весьма интересный сплав, состоящий из множества языковых пластов, а именно русского литературного языка, русско-украинского языка казачества, нового революционного языка эпохи Октября и русского языка еврейства XX века. Однако в разные

периоды творчества И. Бабеля по-разному складываются характерные черты и пропорции языковых-стилистических составляющих элементов, что вызывает дополнительные трудности при переводе как его ранних, так и более поздних рассказов и новелл.

И. Бабелю „повезло” в отношении переводчиков и любви к нему издательств Венгрии: его сочинения, точнее основные его произведения (вслед за *Избранным* 1957 и 1966 г.) перевел на венгерский язык один из лучших мастеров перевода – Ласло Вештели (Babel 1964), а остальные произведения (в ходе составления наиболее полного тома сочинений Бабеля в 1986 г.) – выдающиеся филологи-русисты Агнеш Геробен и Жужа Хетени (Babel 1986), а количество изданий его сочинений приближается к десяти – причём довольно большим для Венгрии тиражом. В успехе произведений Бабеля в Венгрии значительную роль сыграло то обстоятельство, что его творчество представляет собой как бы результат взаимопроникновения и взаимного обогащения нескольких национальных культур, близких венгерскому читателю, а именно – еврейской (древней и современной), русской, украинской (казацкой) и французской, но это обстоятельство создаёт и определённые трудности при переводе его сочинений.

Язык И. Бабеля, начиная с первого рассказа *Старый Шлойме* (1913), написанного в ключе русской классической литературы второй половины XIX века и, как такового, переводимого без всяких трудностей, постепенно наполняется стилистическими особенностями того социального слоя или группы, о которых он говорит: вершиной его мастерства являются два знаменитых цикла рассказов и новелл *Конармия* и *Одесские рассказы*, кстати, самые проблематичные с точки зрения художественного перевода на иностранные языки из-за богатства используемых в них языковых пластов, стилистических средств и приёмов.

При рассмотрении переводов бабелевских произведений, перед нами предстаёт совершенно разнообразная и пёстрая картина: здесь встречается и простая *невнимательность* переводчика, примером которой является пропуск нескольких абзацев конармейского рассказа *Вдова* или же *неточность словарной работы* в переводе рассказа *Мама, Римма и Алла*: в любовном эпизоде студент Мархотский целовал

Римму и „Он порвал ей кофточку и лиф”, а в венгерском переводе стоит: „Elszakította a lány kabátját, mellénykékjét” (Babel 1972), то есть „Он порвал ей пиджачок и жилетку”.

Несомненно, самая трудная задача – передать языковую стилизацию и инородные стилистические элементы текстов (и здесь, пожалуй, больше всего теряет оригинал), например, таких текстов, которые созданы путём введения языковых особенностей русской речи евреев, то есть калькирования оборотов языка идиш: в рассказе *Детство. У бабушки* встречаются такие места: *мне сделалось грустно* (вместо – „мне стало грустно”); *он имел большие руки* (вместо – „у него были большие руки”) или же языковой юмор Бабеля: в этом рассказе бабушка хочет, чтобы её внук стал *богатырём* (имея в виду „богатого человека”, „богача”).

При переводе почти полностью теряются исковерканные фразы, словечки евреев, которые в плане языковой характеристики придают полнокровность и индивидуальность герою: например, Янкелю (из незаконченного рассказа *Три часа дня*), который вместо *горе* говорит „горевание”, *глупость* – „глупство”, *ералаш* – „каралаш”; или Гершковичу (из рассказа *Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна*), повторяющему вместо *глупость* → *глупство*, или вместо словосочетания *полная дама* употребляет „дама с весом”; в речи Гершковича также наблюдаются кальки идиша с глаголом *иметь*: „Каждый человек *имеет свои неприятности*” (вместо: „У каждого человека есть свои неприятности”). (Здесь нужно отметить, что, на наш взгляд, именно этот тип конструкции казался Бабелю наиболее характерным для героев еврейского происхождения.)

Не менее сложно с точки зрения художественного перевода передать тот специфический еврейский быт и образ мышления, который характеризует бабелевский рассказ *Шабос намху* с его ритмичной прозой, орнаментализмом стиля, а также фразеологией, насыщенной библейской и народной мудростью, примером чего являются такие поговорки и пословицы, как: „Всякая картошка растёт на божьем огороде”, „Зачем подбрасывать поленьев в огонь, когда он и без того горит ярко”, „Сам бог положил эти слова на ваши губы” и т. д. А среди ритмических явлений особо нужно подчеркнуть места, в которых бабелевская

проза переходит прямо в стихи и которые очень трудно поддаются переводу, в первую очередь потому, что переводчик часто не замечает ритмики этих мест и не старается передать особенности ритмической прозы, к примеру: „Лошадь корчмаря понуро повезла пустую телегу к тому месту, где она оставила своего хозяина”, а это простое – на первый взгляд – ничем не отличающееся предложение, полностью ритмизированное: „Лошадь корчмаря / понуро повезла / пустую телегу / к тому месту / где она оставила / своего хозяина”.

Особый интерес представляет из ранних рассказов И. Бабеля *Иисусов грех* с переплетением разных стилистических пластов русского народного просторечия десятых годов XX века, русского литературного языка и церковного, библейского языка. Наиболее ярким примером первого пласта являются трудно переводимые на другие языки *фразы*, встречающиеся в изобилии в этом сочинении: „он как в душу поплевал”, „до брюха не очень клонись”, „время три месяца отчеканило”, „ему бы в матери сырой земле лежать”; *поговорки*: „В ухо себя не поцелуешь”, „Вода текёт, звезда сияет, мужик ярится” и другие. Также невозможно передать *архаизмы*, появляющиеся в употреблении третьего лица множественного числа вместо третьего лица единственного числа для выражения почтительного отношения говорящего: „Трофимыч – большие грубияне”, хотя подобный тип конструкции не раз встречается в рассказах И. Бабеля.

Огромную пробу сил означает для любого переводчика цикл рассказов и новелл Бабеля *Одесские рассказы*, ибо в нём причудливо и чудесно переплетается множество стилистических пластов: литературного языка, народного просторечия с его пословицами и поговорками, исковерканного русского языка российских евреев, библейского-церковного языка и официального стиля. Здесь с точки зрения перевода самое простое положение встречается в случае оборотов русского литературного языка, таких, как: „Три тени загромождают пути моего воображения”; „Кто вникает в смысл немногих слов Короля?” и т. д. ; труднее перевести обороты *разговорной речи* (просторечия): „во двор затесался молодой человек”, „хоть завались”, „Видно, вы тёртый старик!” и т. д. ; *пословицы и поговорки* (правильные):

„Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность”; „Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз”; „Перестанем размазывать белую кашу по чистому столу”; и *исковерканные*: „Пьян, как водовоз” (правильно: „Он пьян как сапожник”) или „Свинья со свиньёй не встречается, а человек с человеком встречается” (правильно: „Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся”). Почти невозможно передать тот эффект, который вызывают *кальки идиши* для носителей русского языка: „я имею вам сказать пару слов”, „пусть вас не волнует этих глупостей”, „и он пострадал же через своих молдаванских”, „не имей привычку быть нервным на работе”, „Покупщик его носил возле усов подусники” и т. д. ; а церковно-библейский язык и официальный стиль не означает особых трудностей для переводчика.

В заключение нам хочется подчеркнуть следующее: вышеназванные ссылки на невозможность или недостаточную точность перевода отнюдь не означают, что мы не считаем удачными переводы сочинений И. Бабеля на венгерский язык. Нам лишний раз хочется напомнить лишь о том, что работа переводчика весьма ответственная, требующая чрезвычайного внимания ко всем, казалось бы незначительным, подробностям литературного произведения и широкого знания тех культурных ценностей и языковых пластов (начиная с литературного языка и кончая народным просторечием, порою и жаргоном), на которые опирался писатель при создании своего неповторимого произведения, которое всё же повторяется при художественном переводе, и этим самым оно становится достоянием и других народов, частью других национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Babel, I.
1964 *Művei. Elbeszélések és színművek*, ford.: László Wessely, Magyar Helikon Kiadó, Budapest 1964: 440.
- 1972 *Mama, Rimma és Alla*, ford.: János Elbert, in: *Lovashadsereg és egyéb elbeszélések*, Európa Könyvkiadó, Budapest 1972: 219.
- 1986 *Művei*, ford.: János Elbert, Ágnes Gereben, Zsuzsa Hetényi, Zsuzsa Király, László Wessely, Európa Könyvkiadó, Budapest 1986: 839.

ABSTRACT

The author of the study first examines those common features of Isaac Babel's literary works which determine the possibility of translation; later he mentions some characteristic notions of Hungarian translators, Hungarian publications and the premises for the reaction to them.

In connection with the translation of concrete works the author points out cases of mistranslation, which are luckily not too many, then analyses the cases in detail in which the translator's task is more or less difficult. He indicates typical cases where adequate and precise translation becomes impossible: he refers to phraseologism and cases of word-by-word Russian translation from Yiddish.